

КОРОТКОЙ СТРОКОЙ

● Более 600 жительниц Ленинградской области ежегодно становятся мамами, благодаря современным репродуктивным технологиям. «Одно из основных современных средств лечения бесплодия — экстракорпоральное оплодотворение — бесплатно доступно женщинам нашего региона со всеми видами бесплодия. Дорогостоящая процедура проводится за счет средств территориального фонда Обязательного медицинского страхования», — отметил председатель областного комитета по здравоохранению Сергей Вылегжанин. Чтобы воспользоваться своим правом на получение высокотехнологичной медицинской помощи, необходимо обратиться на прием к акушеру-гинекологу в женской консультации по месту жительства. Лечащий врач собирает анамнез, осматривает пациентку, направляет на обследование, в том числе, при необходимости в стационар.

● Уполномоченный по правам предпринимателей Ленинградской области проведет личный прием заявителей в региональных отделах «МФЦ для бизнеса». Первую встречу с предпринимателями Елена Рулева проведет в новом бизнес-офисе «Выборгский» (г. Выборг, ул. Димитрова, д. 4) 23 марта с 12 до 15.00. Уполномоченному можно будет сообщить о нарушении прав предпринимателей со стороны надзорных органов, пожаловаться на действия органов исполнительной власти и организаций. Запись на прием уже открыта и ведется по единому справочному телефону службы МФЦ Ленинградской области 8(800)500-00-47, а также по электронной почте mfc_biz@mfc47.ru. В Ленинградской области работает 5 офисов «МФЦ для бизнеса», в которых граждане могут оформить свое дело и получить свыше 200 государственных, муниципальных и специализированных услуг для бизнеса.

ПАМЯТЬ — НАША СОВЕСТЬ

Усть-Тосненская наступательная операция

2 сентября 1942 года. День пятнадцатый

Продолжаем публикацию хроник боевых действий во время проведения Усть-Тосненской наступательной операции 1942 года

Вспоминает боец 136-й стрелковой дивизии И. И. Карнаев:

«Проснувшись утром, увидели полные траншеи солдат — пришло новое пополнение. Не дожидаясь завтрака и помня вчерашнее утро, втроем решили продвинуться правее, где проматывалась железнодорожная насыпь. Местность совершенно открытая, кругом болото, траншей нет. Успокаивая себя тем, что туда меньше стреляют, решили ползти по болоту без траншей. До насыпи было метров двести. Чуть ближе к противнику, но не у насыпи, стояли два подбитых наших танка. Вскоре все начало повторяться, как вчера: «Вперед, в атаку! Ура-а-а!» — и ураганный огонь немцев. К танкам ползла целая вереница солдат, и, помня вчерашний танк, я не стал ползти за всеми, а взял направление к насыпи. Добравшись до нее, увидел на откосе канаву глубиной около метра, но узкую, шириной в метр, то есть по ней можно было ползти только в одну сторону. Там уже были солдаты, и я пристроился в хвосте.

Ползли очень медленно, скорость передвижения задавал ползший впереди. В этом районе меньше стреляли из минометов, но часто свистели пули. По цепочке передали: голову над траншеей не поднимать — стреляет снайпер. Есть не хотелось, но мучила жажда. Во время движения я надавил рукой на дно траншеи, выступила мутноватая жидкость — болотная вода. Решил набрать эту жидкость в котелок. С трудом нацепил половину котелка оранжевой жижицы, профиль тровал через вещмешок. Жидкость стала немного светлее, и я с жадностью ее выпил. Дышать стало легче. Двигались медленно, но все-таки вперед. Вдруг позади послышался крик: «Горло!» Оборачиваюсь и спрашиваю ползущего за мной, что он крикнул. Оказалось, его ранило в горло, пытаюсь сделать ему перевязку. Ясно, что он приподнялся, и снайпер тут же выстрелил.

Немцы заметили движение в канаве и начали обстреливать ее минами. Они падали по обе стороны насыпи и вблизи нашей траншеи, могли накрыть прямо в траншее. Начиная темнеть. Я

решил уйти из траншеи и, сделав резкий бросок влево, упал в болотную воронку. Затем короткая перебежка еще левее, в очередную воронку. Стало совсем темно, но минометный огонь только усилился. Пользуясь темнотой, я решил выйти из зоны минометного огня и сделал быстрый бросок метров на пятьдесят в сторону противника, прыгнув в большую воронку. На обочине воронки на боку лежал человек. От неожиданности я замер, но человек не шелохнулся, и я понял, что он мертв.

Пролежав в этой воронке с полчаса, я решил вернуться назад, так как там огонь прекратился, да и неприятно на ночь оставаться одному, тем более поблизости от противника. Конечно, обратный маневр был небезопасен — свои могли принять меня за немца, но все обошлось. Я выбрал место посуше и лег, положив голову на мешок. Задремал и уснул. Ночью внезапно ощутил ожог правого бедра. Схватился за место ожога — пальцы стали влажными. Понял, что меня ранило. Брюки промокли от крови. В вещмешке был медицинский пакет, подвернул брюки и сделал себе перевязку.

Дождавшись рассвета, потихоньку пополз через болото к ровной исходной траншее, спустился в нее и пошел в сторону тыла. В траншее опять было много солдат. Я спросил у одного командира, где ближайший перевязочный пункт. Тот ответил: «Иди по траншее, выйдешь на берег, там спросишь».

Пройдя по указанному маршруту метров триста, я оказался на берегу Невы. Здесь не было ощущения войны — солдаты ходили, не прячась и не сгибаясь, У встречных спросил, где перевязочный пункт. Сказали, надо пройти с полкилометра. Прошел мимо походной кухни, подошел к большому палаткам. На одной висит лист бумаги с надписью «Полковой перевязочный пункт». Здесь мне промыли рану, плотно перевязали и сказали, что я могу снова возвращаться в строй. Я такого оборота не ожидал! Думал, если не отправят в госпиталь, то в крайнем случае оставят долечиваться при полковом медпункте.

Настроение упало, я был голоден, подождал у ближайшей кухни, пока сварят обед, покушал и медленно, нехотя поковылял в сторону переднего края. Подошел к тому месту круглого берега, где начинается траншея к переднему краю. Слева, в обрывистом месте, в глинистом слое выкопано углубление наподобие землянки, есть даже уступ, на который можно лечь. Так хотелось там прилечь и уснуть, но... был период наступления, надо было идти туда, где льется кровь, где могут убить. Была уже вторая половина дня, но до темна еще далеко, поэтому любую остановку в траншее никто не поймет.

Я уже пришел в основную окопную траншею, когда окликнул капитан, спросив, что я тут делаю. Я сказал, что после ранения иду с перевязочного пункта. Капитан сказал: «За углом лежит мешок с гранатами, их надо отнести туда», — и показал рукой в сторону противника. Там наши вели бой с противником. Дойдя до поворота траншеи, я увидел полмешка обычных ручных гранат. Взвалив его на спину, по неглубокой канаве начал ползти в сторону немцев. Сумасшедшей стрельбы не было, и я спокойно делал свое дело. Вскоре на пути начали попадаться трупы немецких солдат. Тут были полусгнившие трупы, вздутые и недавно убитые, на поясных ремнях закреплены противогазы в зеленых продолговатых железных коробках, винтовки воткнуты штыками в землю, трупное зловоние. Несколько месяцев здесь

шла позиционная война, и эта трупная канава — результат неоднократно захлебнувшихся атак противника. Участок с трупами остался позади, и я выполз в лощину с островками зеленой травы. Чтобы передохнуть, снял со спины мешок с гранатами и оперся на локоть. Вроде все тихо. Я беззаботно пролежал минуты две, пока не услышал голос: «Ты что тут делаешь?» — «Несу гранаты». Солдат приглушенным голосом говорит: «Иди сюда быстрее, дальше немцы». Я ползком вернулся назад и левее, по проходу прошел к нашим. Они рассказали, что час тому назад перебрасывались с немцами гранатами. Перед лощиной у них была глубокая траншея, наверху установлен станковый пулемет. Более половины гранат я раздал пулеметчикам. Штук десять осталось в мешке. Стемнело, и я прилег недалеко от пулеметчиков на дне траншеи, положив перед собой пять гранат. Интересно, что гранаты были заранее взведены, оставалось только спускать рычажок и бросать. От неосторожного движения мог произойти случайный спуск рычажка и... взрыв.

Немцы вели артобстрел, но снаряды падали позади нас. Я лежал и мысленно прогнозировал, что ночью в этой траншее ничего особенного не произойдет, как вдруг на нашу траншею обрушились мины. Меня ранило в грудь — страшная боль! — гимнастерка стала мокрой от крови. Я вскочил и, прижав руку к груди, побежал по траншее. В этот момент меня узнал наш бывший политрук комендантского взвода на Ханко Максимов. Увидев, что я ранен, сказал, что в двадцати метрах, в землянке, наш медпункт. Стоял сплошной грохот разрывов, я пробежал это расстояние, наткнулся на землянку и упал.

Меня подняли, и на всю грудь сделали толстую повязку из ваты и марли. Приостановив кровотечение, положили на низкие нары. Вскоре обстрел усилился и в землянке поднялся шум: «Немцы пошли в атаку! У кого есть гранаты?» Раненых была полная землянка. Постепенно все стихло. Началась эвакуация раненых. Санитар спрашивает: «Все раненые от-

правлены?» Услышав его, говорю: «Я ранен». — «Сам можешь двигаться?» — «Не знаю». Санитары поставили меня на ноги, но из-за острой боли я не смог идти. Тут же, в бывшей немецкой землянке, они расстелили одеяло, положили меня на него, под связанные узлы просунули весло от лодки (у нашего подразделения были лодки с веслами для форсирования реки Тосны), подняли меня на плечи и понесли. В то время мой вес был не более пятидесяти килограммов, но все равно нести человека ночью по траншее очень трудно. Острая боль в груди терзала меня, я стонал, и она как будто притуплялась. Санитары несли меня, периодически отдыхая. Вскоре показался полковой медпункт в небольшой палатке. Врач осмотрел состояние моей повязки, но перевязывать не стал, а только добавил перевязочного материала. Ребята, подняв меня на плечи, понесли дальше.

Начало светать. При очередной передышке санитары попросили меня пойти дальше самостоятельно. И я потихоньку пошел. Вдогонку мне сказали, что скоро берег Невы, а там нужно спросить, где медсанбат или полевой госпиталь. Я вышел на берег в том месте, где находилась землянка с потолком. Боль в груди усиливалась, поэтому я зашел в землянку, передохнул и пошел дальше. Шел долго, а полевого госпиталя все не было. Наконец, увидел несколько огромных палаток. Меня завели в ту, где стояло около сотни коек, занятых ранеными. Примерно через час меня на носилках отнесли в операционную. Два врача сняли повязку, поставили замораживающий укол, сделали разрез, удивились, что нет осколков, зашили рану и перевязали. Затем меня отнесли обратно в палатку под брезентовым куполом и дали выпить стакан чаю.

К вечеру раненых погрузили на санитарную баржу, и мы поплыли по Неве в Ленинград...»

■ Публикация подготовлена по материалам книги «Ивановский порог. Хронология подвига. (30 августа 1941 г. — 22 января 1944 г.)», автор-составитель Ю.И. Егоров, 2015 г.

